

БЕСЕДЫ С ЭМИЛЕМ ЧЁРАНОМ: ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ 1970–1992

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 1(498)(092)
ББК 87.3(4Рум)6-8
Б53

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

*Перевод с французского, вводная статья и примечания
к. филос. н. Р. С. Гранина*

Б53 Беседы с Эмилем Чёраном. Избранные интервью 1970–1992. — М.: Тотенбург, 2026. — 338 с.

Предлагаемое уважаемому читателю издание представляет собой первый перевод на русский язык двадцати «программных» интервью румыно-французского философа и эссеиста Чёрана (Emil Cioran; 1911–1995), данных им в последние два десятилетия своей жизни. Эти беседы образуют своеобразную интеллектуальную автобиографию, записанную не самим автором, но его собеседниками — представителями различных национальных культур и интеллектуальных традиций. В истории европейской мысли интервью Чёрана занимают место рядом с диалогами Борхеса, Фуко и других мыслителей, для которых устная речь стала важной формой философского высказывания. Однако чёрановские беседы отличаются особой степенью автобиографичности и исповедальности. Они позволяют увидеть не только философа, но и человека — со всеми его противоречиями, слабостями и парадоксами. Интервью позволяют проследить важнейшие темы позднего Чёрана: отношение к истории и прогрессу, проблему времени, природу отчаяния и скуки, значение бессонницы, вопрос о Боге, роль языка, судьбу Европы, ценность литературы и фрагментарной философии. Особое место занимает тема самоотречения: зрелый Чёран вновь и вновь возвращается к своим политическим увлечениям 1930-х годов, стремясь дистанцироваться от них и осмыслить собственное прошлое.

УДК 1(498)(092)
ББК 87.3(4Рум)6-8

© Р. С. Гранин,
перевод с французского,
вводная статья и примечания

© Издательство «Тотенбург», 2026

Содержание

Предисловие. Эмиль Чёран в диалоге с западными интеллектуалами: 20 избранных интервью 1970–1992 гг.	4
--	---

Беседы с Эмилем Чёраном: избранные интервью 1970–1992

1. Франсуа Бонди (1970)	20
2. Фернандо Саватер (1977).....	30
3. Хельга Перц (1978).....	45
4. Жан-Франсуа Дюваль (1979).....	53
5. Лео Жилле (1982).....	75
6. Луис Хорхе Хальфен (1982)	113
7. Верена фон дер Хейден-Ринш (1983)	127
8. Х. Л. Альмира (1983).....	132
9. Леа Верджине (1984).....	141
10. Герд Бергфлет (1984).....	154
11. Эстер Селигсон (1985).....	171
12. Фриц Й. Раддац (1986)	178
13. Франсуа Фейтё (1986)	200
14. Сильви Жодо (1988)	218
15. Бенджамин Иври (1989).....	240
16. Габриэль Личяну (выдержка, 1990).....	249
17. Бернар-Анри Леви (Три вопроса, 1991)	260
18. Георг Карпат Фокке (199).....	262
19. Бранка Богавац Ле Конт (1992).....	276
20. Михаэль Якоб (1992).....	300

Предисловие

Эмиль Чёран в диалоге с западными интеллектуалами: 20 избранных интервью 1970–1992 гг.

*«Я в целом враждебно отношусь к интервью.
Нужно держаться в стороне, не заниматься саморекламой.
Но с возрастом начинаешь идти на уступки...»*

*«Существуют признания, которые можно сделать в разговоре,
но которые нельзя записать — разве что в форме автобиографии».*

*«Когда говоришь, как и когда пишешь, ничего не решаешь.
Разве что внутренне. Происходит разрядка.
Немного опустошаешься. Все вопросы, которые действительно
тревожат и беспокоят, потом рассматриваешь
с определенной дистанции... Меньше беспокоишься».*

Корпус интервью Эмиля Чёрана (рум., фр. *Emil Cioran*; 1911–1995), собранный в настоящем издании¹, представляет собой уникальный жанровый феномен в наследии философа. В отличие от его афористических книг, дневников и писем, интервью открывают доступ к иной форме философского высказывания — живому диалогу, где мыслитель не только формулирует свои идеи, но и реагирует на вопросы собеседника, уточняет прежние позиции, корректирует собственную интеллектуальную биографию и создает своего рода устный автокомментарий к своему творчеству.

Сам Чёран неоднократно подчеркивал свое настоящее отношение к жанру интервью. В беседе с итальянской журналисткой Леа Верджине (1984) он

¹ Перевод с французского двадцати интервью Эмиля Чёрана осуществлен по изданию: Cioran. Entretiens. Paris: Gallimard (coll. «Arcades»), 1995. 319 p.

признается: «Я в целом враждебно отношусь к интервью. Нужно держаться в стороне, не заниматься саморекламой. Но с возрастом начинаешь идти на уступки...» Это признание задает парадоксальную оптику для анализа двадцати интервью, записанных в последние два десятилетия жизни философа. Чёран, который, по собственному признанию, «никогда не появлялся на телевидении» и избегал французских интервьюеров, но все же соглашался на разговоры с иностранными (как, впрочем, и французскими, и румынскими) журналистами и интеллектуалами — немецкими, швейцарскими, итальянскими, американскими, испанскими, аргентинскими, мексиканскими, сербскими.

Особенность этого сборника состоит в том, что он объединяет двадцать бесед, записанных в период с 1970 по 1992 год, то есть охватывает более двадцати лет позднего Чёрана. Это время, когда основные книги уже написаны, философская система — насколько вообще допустимо говорить о системе применительно к Чёрану — сложилась, а сам автор превратился в одну из наиболее заметных фигур европейской интеллектуальной жизни.

Примечательно, что перед нами не собрание интервью одного журналиста, а полифонический корпус бесед с представителями различных национальных культур. Испанец Фернандо Саватер, румын Габриэль Личану, немец Фриц Раддац, итальянка Леа Верджине, мексиканка Эстер Селигсон, француз Франсуа Фейтё, американец Бенджамин Иври и другие задают вопросы, исходя из собственных культурных традиций и интеллектуальных ожиданий. В результате возникает многогранный портрет Чёрана, увиденного одновременно из различных точек европейского и мирового культурного пространства.

Интервьюеры выполняют здесь не только журналистскую функцию. Многие из них сами являются философами и писателями, историками культуры, литературове-

дами. Они становятся полноценными участниками интеллектуального диалога. Благодаря этому интервью превращается в особый жанр философского исследования, где вопрос зачастую оказывается не менее значимым, чем ответ. Сборник позволяет проследить важнейшие темы позднего Чёрана: отношение к истории, проблеме времени, природу отчаяния, значение бессонницы, вопрос о Боге, роль языка, судьбу Европы, значение литературы и философии. Особое место занимает постоянная тема самоотречения: зрелый Чёран вновь и вновь возвращается к своим политическим увлечениям 1930-х годов, стремясь понять причины собственного прошлого и дистанцироваться от него.

Для исследователя творчества Чёрана его интервью представляют исключительную ценность. Они позволяют увидеть не только готовые формулы афориста, но и сам процесс мышления. Здесь философ менее категоричен, более нюансирован и зачастую более человечен, чем в своих книгах. Именно поэтому интервью образуют своеобразную интеллектуальную автобиографию, написанную не самим автором, а его собеседниками. В истории европейской мысли XX века подобные корпуса бесед занимают особое место наряду с интервью Мартина Хайдеггера, Мишеля Фуко и Хорхе Луиса Борхеса. В случае Чёрана они приобретают дополнительное значение: мыслитель, посвятивший большую часть жизни критике истории, культуры и самого языка, неожиданно оказывается представленным через наиболее непосредственную форму речи — разговор. Кажется, что только в устной речи Чёрану по-настоящему комфортно.

Филологический анализ интервью показывает, что они функционируют как особый речевой жанр, находящийся на границе между исповедью, литературной автобиографией и философским трактатом. При этом сам философ говорит: «Существуют признания, которые можно

сделать в разговоре, но которые нельзя записать — разве что в форме автобиографии». Интервьюер Фернандо Саватер, испанский философ, фиксирует принципиальную особенность чёрановского диалога: он строится по модели монолога, прерываемого вопросами. По его наблюдению, Чёран «не нуждается в серьезных возражениях и допускает только противоречия собственного производства». Это не недостаток, а жанровая особенность: философ не стремится к диалектическому синтезу, а использует интервью как пространство для развертывания своей «скрытой автобиографии». Показательно интервью с немецким писателем Гердом Бергфлетом (1984), где Чёран разворачивает пространный рассказ о смене языка, дополняя его анекдотом о баске-пуристе, который «исправлял проституток, если они делали ошибки во французском языке». Эта история — не случайное отступление, а иллюстрация тезиса: французский язык как «смирительная рубашка» стал для Чёрана дисциплиной, превратившей его спонтанное румынское письмо в «тщательно обработанную» прозу.

Структурно интервью Чёрана организованы по модели, которую можно назвать «монологом с собеседником». Вопросы интервьюеров выполняют функцию катализаторов: они запускают ассоциативные цепочки, но не определяют направление мысли. Чёран часто использует вопрос как отправную точку для собственного размышления, которое затем развивается по внутренней логике. Это заметно в интервью с Лео Жилле (1982), где Чёран говорит практически без перерыва, переходя от одной темы к другой с той же ассоциативной свободой, что и в своих книгах.

Жанровая природа этих интервью двойственна. С одной стороны, они подчиняются законам устной речи: спонтанность, неподготовленность, интонационная выразительность. С другой стороны, они представляют собой

тщательно выстроенные нарративы, в которых каждый ответ является законченным микротекстом. Чёран не просто отвечает на вопросы — он конструирует смысловые единства, которые могли бы существовать как самостоятельные эссе. Это сближает его интервью с литературным жанром «беседы» в традиции французских моралистов, где диалог служит формой для развертывания афористической мысли.

Одна из ключевых филологических характеристик корпуса интервью — их тематическая повторяемость. Интервью часто утомительно повторяются, поскольку интервьюеры на протяжении многих лет задают одни и те же вопросы, а Чёран дает схожие ответы. Этот момент можно рассматривать не как недостаток, а как структурный принцип. Каждый диалог варьирует одни и те же темы, создавая эффект «вариаций» на постоянные мотивы. К числу таких «лейтмотивов» относятся: отказ от румынского языка и переход на французский; опыт бессонницы как фундаментальная катастрофа; ностальгия по детству в Трансильвании («земному раю»); политические заблуждения юности и симпатия к Железной гвардии; отношение к буддизму как «самообману»; письмо как терапия и суррогат самоубийства; критика идеи прогресса; размышления о судьбе Европы и Запада; отношение к религии как к «искушению»; фигуры Паскаля, Шекспира, Достоевского, Ницше как интеллектуальные ориентиры. Однако повторяемость имеет и другую функцию: она создает кумулятивный эффект, при котором каждое новое интервью добавляет нюансы к уже известной картине. Каждое повторение — это новое прочтение собственной жизни, новое расположение акцентов. История о матери, сказавшей: «Если бы я знала, я бы сделала аборт», — рассказывается в интервью с Лео Жилле, Леа Верджине и Михаэлем Якобом, но каждый раз с разными деталями и с разной эмоциональной окраской. История о переходе

на французский язык варьируется в интервью с Саватером, Бергфлетом и Якобом, каждый раз обогащаясь новыми подробностями. Эта вариативность имеет глубокий смысл. Чёран не стремится к однозначной фиксации своего прошлого. Напротив, он постоянно переосмысляет его, придавая одним и тем же событиям разное значение в зависимости от контекста беседы и личности интервьюера. Так, история о переходе на французский язык в интервью с Бергфлетом акцентирует лингвистические трудности и «комплекс метека», тогда как в интервью с Саватером она служит иллюстрацией тезиса о «разрыве с прошлым» как экзистенциальном акте.

Один из филологических парадоксов, выявляемых интервью, — расхождение между письменным и устным Чёраном. В своих сочинениях «этот балканец и современный богомил демонстрирует почти недостижимую отстраненность от мира и людей, тогда как в диалоге он неожиданно теплый и жизнерадостный». Его афоризмы — это эпитафии и проклятия, тогда как его речь — живая, противоположность.

Детлеф Кульбродт², рецензируя аудиозаписи бесед Чёрана, подчеркивает, что слушатель «удивлен не столько словами, сколько живым, теплым голосом, который он представлял себе хриплым и безжизненным». Чёран говорит «на немецком с очаровательным легким француско-румынским акцентом», и его манера речи противоречит репутации мрачного пессимиста. В интервью он часто смеется — в том числе когда говорит о «тотальном

² Детлеф Кульбродт (нем. *Detlef Kuhlbrodt*; р. 1961) — немецкий писатель и журналист-фрилансер. В 1999 году Кульбродт опубликовал в *Die Tageszeitung (taz)* рецензию на немецкоязычные аудиointервью Чёрана под названием *Cafard* (вышло в 1998 году; с фр. «тоска», «меланхолия», «хандра», «сплин», буквально — «таракан»), полное название «Cafard: Originaltonaufnahmen 1974–1990. E. M. Cioran» («Хандра: оригинальные звукозаписи 1974–1990 годов. Э. М. Чёран»). В своей статье он точно зафиксировал парадоксальный контраст между пессимистичным содержанием текстов и теплотой, жизнерадостностью самого голоса философа, который он назвал «живым и теплым».

крушении». Это расхождение между текстом и голосом имеет глубокие филологические импликации. Оно указывает на то, что письмо для Чёрана было не прямым выражением его личности, а терапевтическим актом — способом «избавиться от бремени». Его устная речь, напротив, была социальным перформансом, в котором он «маскировал» свое отчаяние за «поведением комедианта». Как он признается Х. Л. Альмире: «Каково бы ни было мое душевное состояние, я всегда умел скрывать его за поведением комедианта». Этот парадокс имеет и более глубокий смысл. Чёран различает два типа высказывания: письменное, которое фиксирует состояния «упадка», и устное, которое является формой социальной адаптации. В интервью с Альмирой он поясняет: «Все, что я написал, — это своего рода терапия. Мои книги дают фрагментарное представление обо мне, потому что я пишу только в моменты упадка, я не пишу, когда мне хорошо... писать что?» Устная речь, напротив, позволяет ему быть «самым веселым человеком, которого только можно вообразить».

Это различие имеет и жанровые последствия. Интервью как жанр занимает промежуточное положение между письменным и устным высказыванием. Оно фиксирует устную речь, но превращает ее в письменный текст. Таким образом, интервью становится точкой пересечения двух чёрановских голосов — пессимистического письменного и жизнерадостного устного. Именно поэтому интервью дают более полное представление о личности Чёрана, чем его книги: в них соединяются обе ипостаси философа.

Особого внимания заслуживает авторефлексивная функция интервью. Чёран неоднократно подчеркивает: «Все мои книги автобиографичны, но это скрытая автобиография». Интервью позволяют эту скрытую автобиографию проявить. В этом смысле интервью функциони-

руют как паратекст — жанр, который, по определению французского литературоведа Жерара Женетта, находится «на пороге» основного текста, комментируя его и направляя его интерпретацию. Чёран использует интервью для того, чтобы эксплицировать то, что в его книгах остается имплицитным: физиологическую основу его пессимизма, зависимость от климата и бессонницы, политическую подоплеку его юношеских увлечений.

Стратегии самораскрытия в интервью разнообразны. Чёран использует несколько основных приемов. Анекдот — короткий нарратив, иллюстрирующий философский тезис. Так, история о баске-пуристе, исправлявшем проституток, служит иллюстрацией «культы языка» во Франции. История о продавце костюмов (к которому Чёран пришел накануне оккупации Парижа немецкими войсками, чтобы купить новый костюм), назвавшим его идиотом, иллюстрирует механизм первоначального греха, который Чёран обнаруживает в самом себе. Признание — прямое высказывание о личном опыте, обычно сопровождаемое оговоркой о его интимности. «Очень тяжело говорить о вещах настолько личных», — предваряет Чёран рассказ о бессоннице в интервью с Лео Жилле (1982). Однако эти оговорки парадоксальным образом придают рассказам еще большую силу. Самоирония — дистанцирование от собственных утверждений через смех или комментарий. «Это немного преувеличено, несколько дешевый парадокс. Это дурной балканский вкус. Чтобы спровоцировать», — говорит он в интервью с Бенджамином Иври (1989) о своих более ранних высказываниях. Цитирование себя — использование собственных книг как источника для комментария. Чёран часто цитирует свои афоризмы, чтобы затем их пояснить или даже опровергнуть. Особенно показательны в этом отношении интервью, в которых Чёран рассказывает о конкретных обстоятельствах написа-

ния своих книг. История о том, как он переписывал «О разложении основ» четыре раза, стремясь избавиться от «запаха метека» (интервью с Бергфлетом), или рассказ о том, как мать сказала ему: «Если бы я знала, я бы сделала аборт» (интервью с Верджине и Жилле), — эти нарративы выполняют функцию ключей к пониманию его философии. Они раскрывают «подоплеку, порой весьма мелочную, случайное происхождение» его текстов, как он сам выражается в интервью с Верджине (1984).

Филологический анализ интервью выявляет еще одну важную черту чёрановского дискурса — его тотальную ироничность. Чёран постоянно дистанцируется от собственных слов, часто смеется после самых мрачных утверждений. Это не случайно: ирония для него — не просто риторический прием, а экзистенциальная позиция. В интервью с Вереной фон дер Хейден-Ринш (1983) он определяет иронию как «отчаянную ясность». Ирония позволяет Чёрану говорить о самых серьезных вещах — смерти, самоубийстве, крушении цивилизации — без пафоса и без претензии на окончательную истину. Он постоянно напоминает, что его слова не следует принимать слишком серьезно. В интервью с Жилле он рассказывает, как одна дама, прочитав его книгу «О разложении основ», сказала: «Вы не понимаете — эта книга может попасть в руки молодежи!» И он отвечает: «Зачем вообще нужны книги? ... Книга должна быть раной». Это утверждение — идеальный пример чёрановской иронии: он говорит о серьезном (книга как рана), но в тоне слышна насмешка над серьезностью.

Риторические стратегии иронии Чёрана включают ряд приемов. Преувеличение (гипербола) — доведение тезиса до абсурда, чтобы показать его относительность. «Я самый праздный человек в Париже. Единственный, кто мог бы делать меньше меня, — это проститутка без клиентов», — говорит он в интервью с Бонди (1970). Са-

моопровержение — высказывание тезиса, а затем его немедленное отрицание. «Я не нигилист. Конечно, можно так сказать, но это ничего не означает. Для меня это пустая формула», — заявляет он в интервью с Дювалем (1979). Комизм контраста — соединение мрачного содержания с легкой, смешливой интонацией. Это особенно заметно в интервью с Раддацем (1986), где Чёран обсуждает самоубийство, то и дело разражаясь смехом. Ирония выполняет в интервью несколько функций. Во-первых, она позволяет Чёрану сохранять дистанцию от собственных утверждений, не позволяя им превратиться в догму. Во-вторых, она создает эффект «отстраненности», который соответствует его философской позиции скептика. В-третьих, она служит защитным механизмом, позволяющим говорить о болезненных темах без излишней драматизации.

Интервью раскрывают систему интеллектуальных референций Чёрана. Он постоянно ссылается на Паскаля, Шекспира, Достоевского, Ницше, Монтеня, французских моралистов (Ларошфуко, Шамфор) и мистиков (Тереза Авила, Мейстер Экхарт). При этом он переосмысляет эти фигуры в соответствии со своей субъективной философией. Паскаль для него — не верующий, а «скептический Паскаль, расколотый Паскаль, Паскаль, который мог бы не быть верующим, Паскаль без благодати». Это переосмысление имеет решающее значение: Чёран «присваивает» Паскаля, отрывая его от религиозного контекста. Он читает Паскаля как философа сомнения, а не как апологета христианства. Это позволяет ему включить Паскаля в собственную традицию «фрагментарного мышления», где ценность имеет не система, а отдельные озарения.

Ницше оказывается для Чёрана фигурой более сложной. С одной стороны, он признает его «радикально освобождающую» роль в разрушении академической фи-

лософии: «Он разрушил академический стиль философии, ударил по идее системы. Он освободил нас: после него можно говорить все». С другой стороны, Чёран критикует Ницше за «наивность»: «Он был одиночкой, который мало жил среди себе подобных... Он не сталкивался вплотную с людьми». Это противопоставление — Ницше-одиночка против Чорана — «знатока людей» — позволяет философу позиционировать себя как более «опытного» мыслителя, черпающего мудрость не из книг, а из непосредственного общения с жизнью.

Достоевский занимает в системе чёрановских референций особое место. «Для меня Достоевский — величайший гений, величайший романист, все, что угодно, любые превосходные степени», — заявляет он в интервью с Михаэлем Якобом (1992). Чёран ценит Достоевского за «визионерство», за способность превратить «болезненные состояния в видения». Особенное значение для Чёрана имеют эпилептические экстазы Достоевского, которые он интерпретирует как метафизические прозрения: «Он возвел эпилепсию в ранг метафизики». В этом контексте Чёран определяет себя как «несостоявшегося эпилептика» — человека, который пережил экстазы, но не был поражен болезнью.

Шекспир для Чёрана — не просто поэт, а *alter ego*. В интервью с Бергфлетом он признается: «Я сравниваю себя с Макбетом, хотя никого не убил. Но внутренне я прожил то же, что прожил он, и то, что он говорит, мог бы сказать и я». Шекспировские персонажи, особенно шуты, являются для Чёрана образцами «вышей иронии», которая позволяет видеть мир насквозь.

Эти переосмысления показывают, что Чёран не принадлежит к какой-либо школе или традиции. Он использует европейское интеллектуальное наследие как материал для собственной философии, перекраивая его по своему усмотрению. Как он замечает в интервью

с Бергфлетом: «Я никогда не исхожу из идеи: идея приходит потом». Его отношение к предшественникам — это отношение не ученика, а читателя, который делает с прочитанным все, что ему заблагорассудится.

Особое место в интервью занимает тема тела и физиологии. Чёран постоянно подчеркивает, что его идеи имеют не интеллектуальное, а физиологическое происхождение. «В сущности, все сводится к физиологии», — заявляет он в интервью с Альмирой. Он рассказывает о своей зависимости от климата («мои идеи всегда диктовались моими органами, а они, в свою очередь, подчинены диктатуре климата»), о бессоннице как фундаментальном опыте, о смехе как физиологической реакции на отчаяние. Этот акцент на телесности имеет филологическое значение. Он объясняет, почему его стиль — фрагментарный, афористичный, несистемный: он не строит систему, потому что его мысли рождаются из мгновенных состояний, а не из логических построений. В этом смысле его тексты — это запись физиологических состояний, «дневник ощущений». Чёран развивает оригинальную концепцию «сознания органов». В интервью с Альмирой он поясняет: «Я пишу для того, чтобы избавиться от бремени или хотя бы облегчить его. Если бы я не мог выражать себя письменно, то наверняка предался бы не одному излишеству. Субъективный философ исходит из того, что чувствует, что переживает, из своих прихотей и своих душевных потрясений». Это самоопределение принципиально: Чёран не претендует на объективность, он лишь регистрирует свои состояния.

Филологический анализ показывает, что эта телесность имеет и жанровые последствия. Интервью как жанр, фиксирующий устную речь, позволяет Чёрану говорить о теле более непосредственно, чем в письменных текстах. Он может смеяться, менять интонацию, делать паузы — все это передает телесное измерение его мысли.

В интервью он не просто рассказывает о теле, он его демонстрирует.

Большое внимание в интервью уделено теме бессонницы, которую Чёран называет «величайшим опытом, который может быть в жизни. Самый страшный». В интервью с Жилле он разворачивает пространное описание этого состояния: «В восемь утра вы находитесь точно в том же состоянии, что и в восемь вечера. Никакого продвижения нет. Есть только эта огромная ночь, которая продолжается». Бессонница, по Чёрану, выводит человека «за пределы живых, за пределы человечества». Она создает «гибельную непрерывность», в которой время перестает течь и становится «внешним по отношению к вам». Этот опыт имеет не только психологическое, но и философское измерение: именно благодаря бессоннице Чёран пришел к своему «видению мира». В интервью с Якобом он уточняет: «Мое видение мира является результатом этих ночных бдений; я осмелюсь назвать их "бдениями духа" — это звучит претенциозно, но в каком-то смысле это именно так». Бессонница позволила Чёрану увидеть «негативную или позитивную — как угодно» сторону времени: время, которое не проходит. Это переживание подорвало его веру в философию: «Философия не может мне помочь, она не заставляет меня выносить жизнь, а тем более — ночи». Чёран связывает бессонницу с феноменом скуки. В интервью с Жилле он говорит: «Я прекрасно помню свое первое сознательное переживание скуки. Мне было пять лет... Я почувствовал, как время отделилось от существования». Бессонница, как и скука, обнажает механизм времени, показывая его как нечто внешнее по отношению к человеку. Это переживание становится основой его философии времени и истории.

Важная тема, проходящая через все интервью, — терапевтическая функция разговора и письма. Чёран неоднократно подчеркивает, что сам акт высказывания при-

носит облегчение. В интервью с Дювалем он говорит: «Когда говоришь, как и когда пишешь, ничего не решаешь. Разве что внутренне. Происходит разрядка. Немного опустошаешься. Все вопросы, которые действительно тревожат и беспокоят, потом рассматриваешь с определенной дистанции... Меньше беспокоишься». Эта терапевтическая функция разговора параллельна терапевтической функции письма, которую Чёран описывает в интервью с Саватером (1977): «Если бы я не писал, я бы покончил с собой. Писать — это необыкновенное облегчение». Разговор, как и письмо, является способом вынести наружу внутреннее напряжение, обьективировать его и тем самым ослабить. Интервью в этом контексте выступает как гибридный жанр: оно сочетает терапевтическую функцию разговора с фиксирующей функцией письма. Чёран может говорить о том, что его мучает, и при этом знать, что эти слова будут записаны и сохранены. Это придает его признаниям дополнительную силу: они становятся не просто мимолетными высказываниями, а частью его литературного наследия. Показательно в этом отношении интервью с Верджине (с этой молодой итальянкой Чёран откровенно флиртует), где Чёран признается, что «по природе довольно нескромен и любит рассказывать личные анекдоты». Интервью позволяет ему удовлетворять эту «нескромность», превращая личные истории в философские утверждения. Как он сам формулирует: «Существуют признания, которые можно сделать в разговоре, но которые нельзя записать — разве что в форме автобиографии».

В поздних интервью, особенно в беседах 1992 года с Карпатом Фокке, Богавац Ле Конт и Якобом (в которых, надо заметить, Чёран допускает ряд хронологических ляпов — следствие прогрессирующих деменции и болезни Альцгеймера), появляется новая тема: отказ от письма. Чёран объявляет, что больше не будет писать. «Я пере-

стал писать два года назад. Я совершенно не знаю, как это произошло. Но это был процесс. Мне это надоело», — говорит он в интервью с Богавац Ле Конт. Этот отказ от письма имеет сложную природу. С одной стороны, он является следствием усталости, болезни и возраста. С другой — он имеет философское обоснование. Чёран утверждает, что «писатель опустошает себя», что после определенного момента «пишут из необходимости, а усталость уничтожает эту необходимость». Отказ от письма становится логическим завершением его философии: если все бессмысленно, то и писать бессмысленно.

Интервью в этом контексте приобретают новое значение. Они становятся последней формой высказывания, заменяющей письмо. Чёран, который больше не пишет, продолжает говорить. И его говорение приобретает характер устного завещания — подведения итогов перед тем, как замолчать окончательно. Это особенно заметно в интервью с Якобом, которое является последним в сборнике. Здесь Чёран говорит о своем детстве, о бессоннице, о переходе на французский язык, о своем отказе от профессии — обо всех ключевых темах своей биографии. Это интервью становится своего рода синтезом всего того, что он говорил в предыдущих беседах. И оно заканчивается признанием: «Теперь это больше не приносит мне удовольствия... Я говорю себе, что мне хватит ворчать против мира и против Бога, в этом больше нет необходимости».

В отличие от систематических философов, которые используют интервью для популяризации своих идей, Чёран использует их для автобиографического самораскрытия. Интервью позволяют ему сделать явным то, что в его книгах остается скрытым — физиологическую основу его пессимизма, политические заблуждения юности, терапевтическую функцию письма. Интервью также выполняют функцию коррекции его публичного образа. Чёран, кото-

рого часто представляли как мрачного мизантропа, оказывается в устных беседах «удивительно теплым и общительным». Его смех — не просто риторический прием, а доказательство того, что его пессимизм не является депрессией. Как он сам формулирует: «Смех — единственное оправдание жизни». Наконец, интервью Чёрана демонстрируют, что его философия не является «системой» в академическом смысле, а представляет собой способ существования. Как он пишет в одном из интервью: «Я не философ. Я пытаюсь говорить о том, что пережил, о своем личном опыте». Интервью — это пространство, в котором этот личный опыт становится публичным достоянием, не теряя своей интимности. Филологический анализ интервью позволяет выделить следующие их жанровые особенности: монологическая структура при диалогической форме; повторяемость тем, выполняющая функцию вариаций; парадоксальное расхождение между письменным и устным голосом; ироническая стратегия самораскрытия; терапевтическая функция самого акта говорения. Все эти особенности делают интервью Чёрана самостоятельным жанром, который не сводится ни к его книгам, ни к обычным журналистским беседам. В истории европейской мысли интервью Чёрана занимают место рядом с интервью Борхеса, Фуко и других мыслителей, для которых устная речь стала важной формой философского высказывания. Однако чёрановские интервью отличаются особой степенью автобиографичности и исповедальности. Они позволяют увидеть не только мыслителя, но и человека — со всеми его противоречиями, слабостями и парадоксами. И именно в этом заключается их непреходящая ценность.

Р. С. Гранин

Беседы с Эмилем Чёраном: избранные интервью 1970–1992

1. Франсуа Бонди (1970)³

Франсуа Бонди: Как вам удалось получить эту квартиру на шестом этаже, откуда открывается великолепный вид на крыши Латинского квартала?

Чёран: Благодаря литературному снобизму. Мне уже давно осточертела моя гостиничная комната на улице Расин⁴, и я попросил одну агентшу по недвижимости подыскать мне что-нибудь другое, но она так ничего и не показала. Тогда я отправил ей свою только что вышедшую книгу с дарственной надписью. Через два дня она привела меня сюда, где квартирная плата — хотите верьте, хотите нет — составляет примерно сто франков, что вполне соответствовало моим скромным средствам к существованию. Такова уж сила авторских посвящений. Каждый раз, когда в [издательстве] Галлимар⁵ выходила моя новая книга, устраивалась сессия подписывания эк-

³ Франсуа Бонди (фр. *François Bondy*; 1915–2003) — швейцарский журналист, эссеист и литературный критик еврейского происхождения. Родился в Берлине, эмигрировал после прихода нацистов к власти. Один из наиболее авторитетных европейских интеллектуальных журналистов второй половины XX века. Сотрудничал с журналами *Preuves*, *Encounter*, *Die Weltwoche*. Интервью, опубликованное в книге Франсуа Бонди: *Gesprache mit James Balchvin, Carl Burckhardt, Mary McCarthy, E.M. Cioran, Witold Gombrowicz, Eugène Ionesco, Karl Jaspers, Hans Mayer, S. Mrožek, N. Sarraute, I. Silone, Jean Starobinski*. Vienne: Europa Verlag, 1970.

⁴ Улица Расин (*rue Racine*) — небольшая улица в VI округе Парижа, неподалеку от Сорбонны и Люксембургского сада. После приезда во Францию Чёран долгие годы жил в дешевых гостиницах Латинского квартала.

⁵ Фр. *Gallimard* — крупнейшее французское издательство, публиковавшее все основные французские книги Чёрана начиная с «О разложении основ» (фр. *Précis de decomposition*; 1949).

земляров. Это всегда ужасно меня раздражало. Однажды я поленился подписать половину предназначенного для рассылки тиража. Никогда еще после этого я не получал столь плохих рецензий. Это ритуал, обязанность. Даже Сэмюэл Беккет⁶ не может от него уклониться. А вот Джеймс Джойс⁷ никогда не мог этого понять. Ему объяснили, что в Париже критик всегда ждет от автора благодарственного письма, если написал о нем что-нибудь хорошее. И однажды Джойс все-таки согласился отправить одному критику, опубликовавшему о нем важное исследование, свою визитную карточку с приветствием. Но тот счел это слишком лаконичным и больше никогда не написал о Джойсе ни строчки.

Франсуа Бонди: Начнем с Румынии. Вы выросли в Трансильвании, учились в Бухаресте и там же опубликовали свои первые тексты. Были ли тогда, как у многих

⁶ Сэмюэл Беккет (англ. *Samuel Beckett*; 1906–1989) — ирландский писатель, драматург и поэт, писавший на английском и французском языках; один из крупнейших представителей литературы модернизма и театра абсурда. Автор романов «Моллой» (1951), «Мэлон умирает» (1951), «Безымянный» (1953) и пьесы «В ожидании Годо» (1952), ставшей классикой мировой драматургии. Лауреат Нобелевская премия по литературе (1969). Творчество Беккета посвящено темам одиночества, бессмысленности существования, распада личности и пределов языка. Чёрана связывала с Беккетом многолетняя дружба в Париже; оба писателя, хотя и принадлежали к разным литературным традициям, были близки в своем внимании к опыту отчаяния, молчания и экзистенциальной истощенности.

⁷ Джеймс Джойс (англ. *James Joyce*; 1882–1941) — ирландский писатель, поэт и один из крупнейших представителей литературного модернизма XX века. Автор романов «Портрет художника в юности» (1916), «Улисс» (1922) и «Поминки по Финнегану» (1939), а также сборника рассказов «Дублинцы» (1914). Джойс радикально обновил художественную прозу, разработав технику «потока сознания», сложную систему мифологических, философских и языковых аллюзий. Его творчество оказало огромное влияние на мировую литературу XX века. Чёран неоднократно обращался к фигуре Джойса, восхищаясь масштабом его художественного эксперимента, но одновременно критически оценивая его языковой максимализм и стремление к всеобъемлющему литературному конструированию, противопоставляя им собственный идеал лаконичного и афористического письма.

румынских интеллектуалов — от Цары⁸ до Ионеско⁹, — устремлены ваши взгляды к Парижу?

Чёран: Ничуть. В то время франкофилия румын носила в себе нечто гротескное. Во время Первой мировой войны один министр совершенно серьезно заявил, оправдывая вступление своей страны в войну: «Не так уж важно, если Румыния исчезнет. Но Франция не должна погибнуть». Помню один французский журнал по конституционному праву, который в те годы расходился в Румынии тиражом в 1200 экземпляров. Сегодня же продается всего один экземпляр каждого номера. У меня был замечательный преподаватель философии — Тудор Виану¹⁰, который несколько лет назад умер, будучи представителем Румынии в ЮНЕСКО. Но читал я главным образом немецких философов и теоретиков искусства: Георга Зиммеля¹¹, Генриха Вёльфлина¹², Вильгельма Воррингера¹³. Для меня Георг Зиммель остается одним из величайших мыслителей. Ни Эрнст Блох¹⁴, ни Георг Лукач¹⁵ в достаточной мере не признали того, чем они ему обяза-

⁸ Тристан Цара (рум. *Tristan Tzara*; 1896–1963) — румынско-французский поэт, один из основателей дадаизма. Как и многие румынские интеллектуалы первой половины XX века, сделал карьеру во Франции.

⁹ Эжен Ионеско (фр. *Eugène Ionesco*; 1909–1994) — французский драматург румынского происхождения, один из основателей театра абсурда.

¹⁰ Тудор Виану (рум. *Tudor Vianu*; 1897–1964) — румынский философ, эстетик, литературовед и переводчик. Один из наиболее влиятельных гуманитариев Румынии XX века. Преподавал Чёрану в Бухарестском университете.

¹¹ Георг Зиммель (нем. *Georg Simmel*; 1858–1918) — немецкий философ и социолог, оказавший большое влияние на интеллектуальную культуру XX века. Чёран неоднократно называл его одним из своих любимых мыслителей.

¹² Генрих Вёльфлин (нем. *Heinrich Wölfflin*; 1864–1945) — швейцарский историк искусства, один из создателей формального метода в искусствознании.

¹³ Вильгельм Воррингер (нем. *Wilhelm Worringer*; 1881–1965) — немецкий историк искусства и теоретик культуры, автор влиятельной книги *Abstraktion und Einfühlung* («Абстракция и вчувствование», 1907).

¹⁴ Ernst Bloch (1885–1977) — немецкий философ-марксист, автор труда «Принцип надежды».

¹⁵ Georg Lukács (1885–1971) — венгерский философ, эстетик и литературный критик, один из крупнейших представителей западного марксизма.

ны. Женщина¹⁶, с которой Зиммель жил и от которой у него был ребенок, во время Третьего рейха скрывалась. И по прихоти судьбы, когда незадолго до конца войны она попыталась перебраться в Швейцарию, ее арестовали и депортировали.

Франсуа Бонди: Много ли было в Бухаресте в то время людей, выбравших изучение эстетики?

Чёран: Тысячи. Государство стремилось как можно быстрее создать слой интеллигенции, и потому в Бухаресте насчитывалось около пятидесяти тысяч студентов. Получив дипломы, они возвращались в свои деревни, но уже не желали пачкать руки физическим трудом. И тогда они погружались в скуку, в отчаяние. Это была огромная румынская скука — словно очень плохой Чехов. Помимо немцев я читал также русских религиозных мыслителей, например Льва Шестова. Что касается Трансильвании, то для всех, кто там жил, она по-прежнему оставалась миром имперско-королевской монархии. Ее не забыли до сих пор — ни там, ни в Югославии. Мне даже случалось слышать коммунистов, говоривших об императоре Франце-Иосифе с неподдельным волнением. Мой отец был православным священником. Для румынского интеллигента в венгерской Трансильвании почти не существовало другой профессии. Вы можете заметить и сегодня, сколько румынских интеллектуалов являются сыновьями священников. Мои родители некоторое время учились в венгерских начальных школах, и между собой им случалось говорить по-венгерски. Во время войны их интернировали как румын: отца — в Шопрон (Оденбург), мать —

¹⁶ Гертруда Зиммель (нем. *Gertrud Simmel*; 1864–1938) — известная также под псевдонимом Мари-Луиза Энкендорф (*Marie-Luise Enckendorf*) — учительница музыки, художница, писательница и философ. Однако в интервью Чёран, вероятно, неточно воспроизводит детали ее биографии, поскольку Гертруда Зиммель умерла еще до прихода нацистов к власти. Возможно, он имеет в виду другую близкую Зиммелю женщину из его окружения или пересказывает услышанную историю по памяти.

в Клуж (Клаузенбург)¹⁷. Сначала мой отец служил священником в одном из карпатских сел, а затем стал приходским священником в Германштадте [Сибиу].

Франсуа Бонди: Ваше собственное тяготение к мистицизму, ваша ненависть к миру — происходят ли они из православной традиции?

Чёран: Скорее это родственно гностической секте богомилов, предшественников катаров, влияние которых было особенно сильным в Болгарии. В детстве я был яростным атеистом — и это еще слишком слабо сказано. Когда перед едой читали молитву, я немедленно вставал из-за стола и уходил. Тем не менее мне близка глубинная вера румынского народа, согласно которой творение и грех — одно и то же. В значительной части балканской культуры акт творения никогда не переставал быть предметом обвинения. Что такое греческая трагедия, как не непрестанная жалоба хора, то есть народа, на судьбу? Да и сам Дионис, между прочим, пришел из Фракии.

Франсуа Бонди: Удивительно: ваши произведения глубоко пессимистичны, но их стиль живой, легкий, исполненный язвительного юмора. То же самое и в разговоре: ваши идеи внушают страх, однако тон остается остроумным и даже бодрящим. Как вы объясняете этот контраст?

Чёран: Должно быть, это наследие моих родителей, которые обладали совершенно противоположными темпераментами. Я никогда не мог писать иначе как в ночной тоске бессонницы. На протяжении семи лет я почти не спал. Мне кажется, у каждого писателя можно определить, принадлежат ли его мысли дню или ночи. Мне необходима эта тоска. Даже сегодня, прежде чем начать писать, я ставлю пластинку с венгерской цыганской музыкой. Но одновременно я всегда обладал мощ-

¹⁷ Концентрационные лагеря на территории Венгрии и Румынии соответственно.

ной жизненной силой, которую обращаю против нее самой. Речь идет не о том, чтобы быть более или менее подавленным; нужно быть меланхоличным до крайности, бесконечно печальным. Тогда возникает спасительная биологическая реакция. Между ужасом и экстазом я практикую деятельную печаль. Долгое время мне казалось, что Кафка слишком угнетает.

Франсуа Бонди: Вам нравится писать?

Чёран: Я ненавижу это занятие и к тому же написал очень мало. Большую часть времени я ничего не делаю. Я самый праздный человек в Париже. Единственный, кто мог бы делать меньше меня, — это проститутка без клиентов.

Франсуа Бонди: Как же вы живете?

Чёран: В сорок лет я все еще числился студентом Сорбонны, обедал в студенческой столовой и надеялся, что так будет до конца моих дней. Но затем приняли закон, запрещающий зачисление после двадцати семи лет, и меня изгнали из этого рая. Когда я приехал в Париж, то обязался перед Французским институтом написать диссертацию и даже сообщил ее тему — что-то об этике Ницше. Однако писать ее я вовсе не собирался. Вместо этого я объехал на велосипеде всю Францию. В конце концов мне сохранили стипендию, поскольку решили, что познакомиться со всей Францией собственными ногами — тоже своего рода заслуга. Но я много читаю. И прежде всего постоянно перечитываю. Я прочел всего Достоевского пять или шесть раз. Не следует писать о том, чего не перечитал. Во Франции существует еще и ритуал ежегодной книги. Каждый год нужно публиковать новую книгу, иначе «о вас забудут». Это обязательный акт присутствия. Достаточно посчитать: если автору восемьдесят лет, значит, он наверняка выпустил шестьдесят книг.

Как же повезло Марку Аврелию¹⁸ и автору «Подражания Христу»¹⁹, что им хватило одной-единственной книги!

Франсуа Бонди: С чего вы начинали?

Чёран: С книги, вышедшей в Бухаресте в 1933 году²⁰, — «На вершинах отчаяния». В ней уже содержится все, что появится позже. Это моя самая философская книга.

Франсуа Бонди: Что произошло с Железной гвардией — румынским вариантом фашизма? Говорят, что вы ей симпатизировали.

Чёран: В Железную гвардию я никогда не входил, хотя сам феномен был весьма своеобразным. Ее вождь, Кодряну, в сущности, был скорее славянином; он напоминал украинского армейского генерала. Большинство боевых отрядов Гвардии состояло из эмигрантов-македонцев. Вообще она несла на себе отпечаток народов, окружавших Румынию. Как о раке говорят, что это не одна болезнь, а комплекс болезней, так и Железная гвардия представляла собой комплекс различных движений. Это была скорее бредовая секта, чем политическая партия. Там меньше говорили о национальном возрождении, чем о престижности смерти. Румыны по природе своей скептики; они мало чего ожидают от судьбы. Поэтому большинство интеллектуалов презирало Железную гвардию, однако на психологическом уровне дело обстояло иначе. В этом глубоко фаталистическом народе присутствует особый вид безумия. И те самые интеллектуалы, о которых я говорил раньше, со своими диплома-

¹⁸ Автор книги «Размышления».

¹⁹ Предполагаемый автор — Фома Кемпийский (нем. *Thomas von Kempen*; Томас Хемеркен; ок. 1379–1471, монастырь Виндесхайм близ Зволле) — немецкий католический монах, средневековый августинский регулярный каноник, переписчик, писатель и мистик.

²⁰ В 1934 году.

ми, прозябающие в деревнях и умирающие от скуки, охотно вступали в ее ряды. Железная гвардия считалась универсальным лекарством от всех бед — включая скуку и даже гонорею. Тяга к крайностям могла бы столь же легко привлечь многих и к коммунизму. Но тогда коммунизм почти не существовал и ничего не мог предложить. На собственном опыте я испытал, как можно поддаться увлечению, не имея ни малейших убеждений. С тех пор я часто наблюдал это состояние — и не только у двадцатилетних, каким был тогда сам, но, к сожалению, и у шестидесятилетних. От всего этого я давно излечился.

Франсуа Бонди: Вас часто называют реакционером?

Чёран: Я от этого отрекся. Я иду гораздо дальше. Однажды Анри Тома²¹ сказал мне: «Вы против всего, что произошло после 1920 года». А я ответил: «Нет, после Адама!»²²

Франсуа Бонди: Каковы сегодня ваши отношения с Румынией?

Чёран: Когда умер Сталин, все испытали облегчение. Один только я вздохнул: «Теперь занавес поднимется, и все румыны хлынут сюда». Именно это и произошло. Вдруг ко мне стали приезжать самые дальние родственники и бывшие школьные товарищи. Они часами рассказывали истории о соседях и прочих людях, о которых я никогда не слышал. Среди них был врач, которого я знал еще со школьных лет. Однажды я пришел в такую ярость, что закричал ему, чтобы он убирался к черту. Тогда он сказал: «Разве ты не знаешь, что нервные клетки не восстанавливаются и что их следует беречь?» Это меня успокоило, и мы продолжили разговор. У меня был близ-

²¹ Анри Тома (фр. *Henri Thomas*; 1912–1993) — французский писатель, поэт и эссеист, близкий знакомый Чёрана.

²² В своих дневниках Чёран записал эту же историю, но приписал вопрос одной даме, с которой был в гостях.

кий друг — один из коммунистических руководителей. В свое время я советовал ему остаться здесь, на Западе. На улице он сказал мне: «Нет пророка вне собственной страны». И вернулся домой. Затем он провел восемнадцать лет в лагере за уклонизм. Сохранить рассудок ему помогли размышления над математическими задачами. Теперь он свободен и получает государственную пенсию²³.

Франсуа Бонди: Вы выступаете против истории, однако вас завораживают исторические проблемы.

Чёран: Я наблюдаю взрыв истории. Сегодня мы живем в постисторическую эпоху, так же как существует постхристианство. Теолог Пауль Тиллих²⁴, покинувший Германию в 1934 году, начал в Соединенных Штатах говорить о постхристианстве, и это никого не шокировало. Об этом даже проповедовали с кафедры. Но затем он стал выступать против идеи прогресса — и вот тогда люди были потрясены. Это было настоящее святотатство. Хотя теперь уже нет. Мы присутствуем при разрушении идеи прогресса. Даже тогдашние пессимисты, вроде Эдуарда фон Гартмана²⁵, все еще оставались связаны с идеей прогресса. Их собственные концепции представлялись им

²³ Возможно. Чёран имеет в виду Петре Цуцу (рум. *Petre Țuțea*; 1902–1991) — румынский эссеист, философ и экономист. 6 сентября 1940 г. Цуца назначается (как представитель от легиона) генеральным секретарем Министерства национальной экономики и в этом качестве представляет различные экономические делегации, которые вели переговоры с Берлином и Москвой. После ареста 12 апреля 1948 г., при «народном» уже режиме, находился в тюремном заключении вплоть до мая 1953 г. В 1956 г. был снова арестован и за преступную агитацию, направленную «на свержение народной власти», приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1959 г., находясь в тюрьме Аюд, был обвинен в «поддержке морального духа легионеров». Был выпущен из заключения по амнистии 1 августа 1964 г. Вплоть до конца коммунистического режима находился под наблюдением органов безопасности.

²⁴ Пауль Тиллих (нем. *Paul Tillich*; 1886–1965) — один из крупнейших протестантских теологов XX века. Концепция «постхристианства» у него связана с утратой христианством статуса культурного центра западной цивилизации.

²⁵ Эдуард фон Гартман (нем. *Eduard von Hartmann*; 1842–1906) — немецкий философ-пессимист, автор книги «Философия бессознательного». Несмотря на свой пессимизм, он сохранял веру в историческое развитие человечества.

прогрессом мысли. Сегодня же сама идея прогресса скомпрометирована совершенно иначе. Когда-то люди были уверены в будущем человечества. Теперь этого больше нет. Говоря о будущем, часто добавляют: «Если к тому времени еще останутся люди». Прежде конец человечества понимался эсхатологически, связывался с идеей спасения. Сегодня его рассматривают как простой факт, лишенный религиозного смысла; он вошел в сферу прогнозов. Мы знаем, что все может закончиться. И с этого момента в самой идее прогресса появилось нечто гнилое. Ничто уже не является тем, чем было раньше. И еще при нашей жизни произойдет невероятное, немыслимое изменение самого человека. Христианство обречено. Но и история тоже обречена. Человечество выбрало дурной путь. Разве не невыносимо это кишение людей, вытесняющих все остальные виды? В конце концов мы превратимся в один-единственный гигантский мегаполис, во всемирное кладбище Пер-Лашез. Человек загрязняет и уродует все вокруг себя. И в ближайшие пятьдесят лет он сам испытает на себе тяжелые последствия этого.

Франсуа Бонди: С какой фигурой духовной традиции вы чувствуете наибольшее родство?

Чёран: Ближе всего мне, вероятно, Будда. Он понял подлинную проблему. Но во мне слишком много темперамента, чтобы справиться с ней так, как это сделал он. Между тем, что я знаю, и тем, что я чувствую, всегда будет существовать конфликт.

Франсуа Бонди: Вас никогда не искушала мысль, подобно вашему другу Ионеско, перенести эти конфликты на сцену?

Чёран: Невозможно. Моя мысль возникает не как процесс, а как результат, как осадок. Она — то, что остается после брожения: отходы, гуща.